

Вяч. Иванов: метафизика национального самоопределения

Вячеслав Иванов в общей сложности недолго прожил в России. В 1886 году, двадцатилетний студент-филолог уехал в Германию для продолжения образования. Вернувшись в Россию осенью 1905 года уже известным поэтом-символистом, в 1924-м Вяч. Иванов навсегда покинул родину, поселился в Италии и в 1926 г. принял католичество. Таким образом, «русское двадцатилетие» Вяч. Иванова пришлось на роковые для России годы, годы несбывшихся надежд. К тому времени Вяч. Иванов был сложившийся филолог-античник, теоретик символизма, почитатель Ф. Ницше и Вл. Соловьева. Вяч. Иванов многообразен. Однако его видение России удивительно цельно.

Идейные искания тех лет запечатлены в книгах «Борозды и межи», «Родное и Вселенское», где Вяч. Иванов выразил свое «религиозно-общественное самоопределение»¹. Этому предшествовали многолетние раздумья над судьбой России, может быть, яснее видимой издалека. «Как только я очутился за рубежом, забродили во мне искания мистические, и пробудилась потребность сознать Россию в ее идее. Я принялся изучать Вл. Соловьева и Хомякова»².

Русская идея Вяч. Иванова выверена годами отстраненного видения России. Несмотря на трагизм событий, на потери близких, не менялся взгляд многознающего наблюдателя, утонченного эстета, лишённого явных политических пристрастий. Всегда выдержан тон поэта-символиста, следившего за Россией из окон «башни», выходявших на Таврический сад. Пока это было возможно, Вяч. Иванов держал реальность на вытянутой руке. Только участвуя в сборнике «Из глубины», не сдержался «при виде разодранной ризы отечества».

Русская идея — рефлексивное выражение национального самосознания — всегда несет печать времени, особую мету поколения. Русская идея, или «национальная идея», Вяч.Иванова — по существу мифологема, вобравшая в себя эстетствующее неославянофильство, осложненная мистицизмом, крайним индивидуализмом и старинным русским комплексом вины, в начале XX века принявшего формы поэтического неонародничества. Иначе, к православной соборности призывал мистик-индивидуалист. О сокровенной тайне Святой Руси пророчествовал пилигрим-язычник, поклонник культа Диониса.

Этим не умаляется сказанное Вяч.Ивановым. Напротив, сторонний взгляд на сугубо русские, потому тривиальные (для русской рефлексии) проблемы особенно ценен. Сам Вяч.Иванов называет свои эскизы «опытом религиозной метафизики», наряду с подобными же конструкциями славянофилов, Федора Достоевского и Владимира Соловьева. И если делать здесь какие-то поправки, то в первую очередь надо учитывать, что Вяч.Иванов поэт-символист по существу, что он «привык бродить в лесу символов», подыскивая «внутреннему опыту словесное знаменование»³.

Историософия России Вяч.Иванова, воплощенная эпизодически, выстраивается как теория строгой преемственности не только и не столько произнесенного, сколько прозренного в поэтических интуициях, нераздельно связанных с внутренним опытом. Мыслимая как мистическая реальность, «святая» Русь становилась «предметом умного зрения», поэтических грез, религиозно-философских интуиций. Вяч.Иванов, формулируя свой собственный опыт метафизики национального самоопределения, припоминал аналогичный опыт славянофилов, Достоевского, Вл.Соловьева и от него отталкивался.

«То было время духовного кризиса и идейного перелома в русском обществе, в наиболее культурном его слое, — вспоминал Н.А.Бердяев. — Загоралось сознание огромного значения искусства для русского возрождения. И как-то сразу же русское литературно-художественное движение соприкоснулось с движением религиозно-философским. В лице Вяч.Иванова оба течения были слиты в одном образе»⁴.

Добавим, что и литературно-художественные, и религиозно-философские искания, и наконец, само освободительное движение — все было единым выражением стремления России к самоопределению. Так, во всяком случае, это время воспри

нимал Вяч.Иванов. На рубеже веков «начался у нас внутренний процесс, истинный смысл которого заключался в усилиях самоопределения. Свободы возжаждали мы для самоопределения... Наше освободительное движение было озаменовано бессильною попыткой что-то окончательно выбрать и решить, найти самих себя. Нам хотелось бы быть свободными до конца и по-своему решить вопрос о земле и народе, реализовать новое религиозное сознание. Но мы ничего не решили и ничего не выбрали окончательно и по-прежнему хаос в нашем душевном теле»⁵ — писалось в 1909 году — время «требовало свободного самоопределения». Вяч.Иванов стремился проникнуть в самую суть религиозного момента истории. Он формулирует национально-религиозную концепцию «желательного роста нашей политической свободы» как готовность народа к принятию полной религиозной ответственности за судьбы отечества⁶.

Вяч.Иванов в подходе к Русской идее многозначителен. И вот почему. Национальная идея — не отвлеченность, не метафизическая схема, изобретенная Гердером или Гегелем — «это понятие создала и реализовала как один из своих фактов история». Отсюда «национальная идея есть самоопределение собирательной народной души в связи вселенского процесса, самоопределение, упреждающее исторические осуществления и потому двигающее энергию». Вяч.Иванов, усилиями интуиции и умозрения проникая в замысел истории, пророчествует. Он уверен в мистическом значении нашего самоопределения в ближайшем будущем.

В историософии России Вяч.Иванова центральное место занимает проблема национального самоопределения, что, по его пониманию, могло быть выражено только в религиозных терминах. Вяч.Иванов в данном случае выступал как религиозный мыслитель в русле исканий «нового религиозного сознания». Истоки этих исканий он связывал с идеями Ф.Достоевского и Вл.Соловьева, наследником которых Вяч.Иванов себя провозгласил.

Вяч.Иванов прямо и неоднократно заявляет о преемственности своих взглядов: «Благая воля пребыть в соборности вознаграждалась бы ... трезвением и прямлением духа, одаренного даром «пророчествования», как говорили в первых христианских общинах об исследователях и предчувственниках тайн Божиих, — как позволительно, быть может, говорить и нам, воспитанным в лоне православного мира, на религиозно-творческих прозрениях Хомякова, Достоевского, Вл.Соловьева»⁷. Все

началось с Достоевского, обнажившего нерв грядущих поисков: губительный индивидуализм — спасительная соборность. Русь святая, вернее, картины из жизни святой Руси, например, Мельникова-Печерского или Лескова, потрясали порой драматизмом и мастерством, но только Достоевский проблему веры заявил как проблему совести, неминуемую для каждого. Правда, до этого было славянофильство с его «вселенским и онтологическим содержанием, религиозным смыслом и мудрым сердцем, в теснейшей связи с утверждением феноменологической особенности русского национального воплощения». Но все живое и мудрое, что было в славянофильстве, «все это подлинное и вечное, как теургическое начало народного сознания», спас Достоевский.

Именно Достоевский, по мысли Вяч. Иванова, выявил сакральный смысл учения славянофильства, придав последнему живое дыхание. Именно Достоевский, церковник по разумению, дал мыслителям нового религиозного сознания ключ к полифонии в обсуждении существа Церкви. Он же был провозвестником и породителем типа людей нового русского сознания. Они, «узнавшие в православии свою свободную родину и родину своей свободы, верящие в Русь святую как в Русь вселенскую», и составили русскую интеллигентную рубежа веков⁸.

Для раскрытия «национальной идеи» Вяч. Иванов использовал (тогда особенно модную) формулу «интеллигенция и народ». Он настаивал, что в ней заключена правда живого символа, несмотря на то, что эта «старая антитеза уже заменена новой общественной группировкою». Иначе, эта «отжившая формула» верна, потому что символична, а символична потому, что фокусирует в себе очень многое, а именно весь «трагизм раскола в сердце нации — правду культурного расслоения, подсознательное противодействие ему, содержащееся в нашей национальной психологии и, наконец, органическое тяготение к единству разделенных энергий»⁹.

Ключевыми в вопросе национального самоопределения Вяч. Иванов называет «принципиально русские вопросы об отношении европейской культуры к народной стихии, об отчуждении интеллигенции от народа, об обращении к народу за Богом или служении народу как некому Богу». Бывают периоды, когда эти вопросы как бы преодолеваются общественным сознанием, очевидной становится их риторичность. Но вот чуткие души улавливают содрогания новой астральной эры и оказывается, что за этими вопросами «стоит какая-то огромная правда

и нам от нее не уйти»¹⁰. Причем, эти вопросы суть дискуссионные, но не решаемые. Их бесконечное пережевывание есть род лекарства для несумевшего преодолеть будто бы колдовского притяжения Геркулесовых столбов российской бесконечности.

Интеллигенция и народ, по Вяч.Иванову, это две формы нашего исторического бытия. Он не ушел от этой «парочки», впрочем, в те годы уйти от нее было невозможно, вся философия России строилась на этих столпах, более того, казалось, реальная судьба будущей России зависела от решения этой проблемы. То, что это — необходимая деталь для построения конструкции, что на самом деле народ и интеллигенция существуют в параллельных мирах, а в реальности судьбы вершит «иная общественная группировка» — Вяч.Иванов понимал, но при построении своей мифологемы Святой Руси предпочитал традиционное интеллигентское видение вещей. Более того, Вяч. Иванов, прошедший по России, не касаясь земли, на время почти заболел неонародничеством.

Если интеллигенция, считал Вяч.Иванов, есть «феномен нашей культуры», а народ — «выражение стихийного начала нашей жизни», то противоречие этих низших форм снимается только в их синтез — «общей основе», «национальной стихии»¹¹. И далее — явное заимствование из словаря Достоевского: ««Всенародность» — вот непосредственно данная внешняя форма идеи, которая кажется нам основой всех стремлений согласить правду оторвавшихся от земли с правдой земли»¹².

Вяч.Иванов идет дальше и выделяет провиденциальные черты национального характера, такие как воля ко всенародности, постоянное сомнение, не изменили ли мы правде народной, исконно-варварское недоверие к принципу культуры¹³. Названные провиденциальные черты предопределили и извечный хаос в душевном тел России, и извечное стремление к его преодолению. Преодолевается же хаос только в духовном делании, двигателем и конечной целью которого есть и будет Христос. «Единственная сила, организующая хаос нашего душевного тела, есть свободное и цельное приятие Христа как единого всеопределяющего начала нашей духовной и внешней жизни»¹⁴. Христианская идея, мирочувствование через призму Христа составляет, по мысли Вяч.Иванова, природу русской души. И в этом интеллигенция и народ едины, едины они даже в том, что «Христов свет равно закрыт еще от глаз и интеллигенции и народа»¹⁵.

Интересно, что в объединительном стремлении к подражанию Христу (Вяч.Иванов только-только не произносит эти заветные слова мистиков всех времен) сливаются мистический индивидуализм интеллигенции и мистическое народное духовное делание. И после этого Вяч.Иванова называют поборником православной соборности. ««Соборность», — писал Н.А.Бердяев об Вяч.Иванове, — излюбленный его лозунг»¹⁶. Это действительно так. Но это отнюдь не означает, что сам Вяч.Иванов был человек соборный или православный. Наблюдение Г.Флоровского, в целом довольно резкое, в данном случае кажется наиболее точным: «Основная мечта Вяч.Иванова была о «соборности», о соборном действии, он хотел религиозно освоить проблему «народа» и «коллектива». Но сам оставался всегда уединенным мечтателем, слишком погруженным в поэтические экстазы»¹⁷. Вяч.Иванов мистик, внецерковник. О церкви он упоминает только раз в том контексте, что интеллигенция «отчасти разбудила церковь». Мистика же для него — «кормилица истины религиозной»¹⁸.

Христология и Софиология — два полюса нового религиозного сознания. Причем пророчества Достоевского о «невидимой Христовой соборности, спасающей видимое православие», о государстве как свободной теократии, теоретически ближе (или эмоционально дороже) Вяч.Иванову, чем софиология Вл.Соловьева. «Русское чувство Христа» — вообще звучит рефреном в работах Вяч.Иванова тех лет, тогда как поэт-символист А.Блок, ученик того же учителя, прежде чем придти к Христу, отдал дань Софии в образе Прекрасной Дамы. Как было уже многими отмечено, А.Блок периода расцвета символизма в своих поэтических наитиях пребывает как бы вне Христа и вне церкви. «В опыте Блока всего удивительнее его безрелигиозность. Мистика Блока отнюдь не религиозна, ...она вся безбожественна. Каким-то странным образом он остался вовсе вне христианства»¹⁹. Мнение прот. Г.Флоровского, по сути очень спорное, тем не менее, пожалуй, он наиболее глубоко отметил все нюансы религиозного эстетизма и эстетической религии той эпохи.

Отношение А.Блока к исканиям «нового религиозного сознания» лишено всякой поэзии. Он не вошел в атмосферу Религиозно-философских собраний, вернее сама атмосфера показалась ему отнюдь не возвышенной, но скорее претенциозной и даже пошлой. В данном случае поэзия и проза Блока несовместимы, но главное, — и там и там Блок искренен, прирастен, неотторжим.

Так же однозначно невозможно сказать о Вяч.Иванове: с одной стороны, стихи являются иллюстрацией к его прозе, но попробуйте сказать о нем, что он славянофил даже после таких его слов: «Провозглашенная Достоевским «самостоятельная русская идея» — идея преображения всего нашего общественного и государственного союза в церковь — есть единственный нам открытый творческий путь»²⁰. Вяч.Иванов неотожествляем с заявленным им самим. Это подтверждается и на примере его оценок Льва Толстого.

Лев Толстой, индивидуалист и внецерковник, теоретически (и эмоционально) неприемлем для Вяч.Иванова. Толстой для него — западник. Эту мысль Вяч.Иванов повторяет неоднократно, причем западничество Толстого не европейское — «наш народный гений протягивает руку Америке». «Миросозерцание Толстого кажется бесконечно далеким от христианства и христианской Церкви»²¹.

В те годы особенно Толстой не выдерживал сопоставлений с Достоевским. Толстого почитали как божество, но при этом часть интеллигенции его недолюбливала, соответственно занижала некоторые моменты его творчества. Сказанное ставилось в упрек мыслимому, а мыслимое не соответствовало канону. А ведь сказанное в адрес Толстого можно отнести и к автору в том смысле, что славянофильство Иванова протягивает руку Риму. Если славянофильство — это состояние души, плохо изъяснимое, то западничество — это всегда мираж неумной русской фантазии, всегда лишь лики западничества.

Все дело в том, что Вяч.Иванову ненавистно это сугубо российское понятие «опрощение» (и в первую очередь толстовское опрощение), эта мнимая попытка демократической интеллигенции преодолеть таким образом оторванность от корней. Лживость ее была очевидна и для народа.

Взволнованный проблемой самоопределения России, сам Вяч. Иванов до поры неуловим, каким и подобает быть поэту-символисту. Не в том дело, искренен ли он (искренен ли был Кант, провозглашавший Категорическим императив?). Тем не менее, учитывая «дионисийскую страсть» Вяч.Иванова начала и католическую сдержанность конца, хотелось бы почувствовать определенность неопределенного, ибо как можно что-то определенно сказать, сказать и помыслить, помыслить и почувствовать, если речь идет о России, о России начала и России конца? И все же из многих дефиниций, какими награждали Вяч.Ива

нова, парадоксальных, спорных, взаимоисключающих, хотелось бы что-то выбрать или хотя бы сузить их круг.

Бесспорно то, что юношеская преданность эллинизму, густо замешенная на оккультном мистицизме, осталась свойством ума, метой мировосприятия Вяч.Иванова навсегда. Даже в его квазиправославных речах нет-нет, да и выглянут «ослиные уши». Вот, например: «Пророческий жар и бред Достоевского впервые потрясли нашу душу родным ее глубочайшей стихии трепетом тех иррациональных переживаний, которые сам Достоевский назвал «восторгом и исступлением». Это была проповедь о касаниях миров иных, о вине всех перед всеми и перед всем, о живой Земле и союзе с нею ... человека, о живом Христе, воскресшем и узанном душою народа-богоносца. Из этих экстазов мистика переплелась в поток поколений волна дионисийской силы, — она же служит первоосновой всякой мистики»²².

Достоевского чаще интерпретируют в соответствии со своим личным мироощущением, так и в работах Вяч.Иванова о Достоевском, как и о Вл.Соловьеве, мы в первую очередь угадываем самого Иванова. На первый взгляд кажущиеся слишком суровыми слова прот. Г.Флоровского по сути своей верны: «Иванов весь в античности... К христианству он приходит от культа Диониса, от древней «эллинской религии страдающего бога»... И христианство он перетолковывает в духе вакхизма и оргазма, строит новый миф. У него это скорее эстетическая схема, чем религиозная, но именно религиозная жажда и утоляет здесь эстетическими подделками»²³.

Эстетическая схема, от построения которой Вяч.Иванов получает удовольствие. Это жестоко, но, кажется, верно, то есть и это то же верно. Свершив круг, отпустив Русскую идею, загнанный в угол Русской Революцией Вяч.Иванов «из угла» же еле слышно выговорил то, что мыслилось, но не выговаривалось: «Я наполовину — сын земли русской, с нее, однако, согнанный, наполовину — чужеземец, из учеников Саиса, где забываются род и племя»²⁴.

Проверка на верность православию для Иванова непригодна, хотя невозможно не отнести к нему самому его же рассуждения о православии Бердяева: «Я считаю Бердяева православным *quand meme*. То, что есть вера его, а не искания, не домысел, не книжное заимствование или ложно истолкованное предчувствие, — есть, к счастью, древняя и единственно правая вера, которой дано не стареть, а облекаться, при каждом новом творческом расцвете, в новые и нечаянные лики неувядающей юности»²⁵.

Вот так — православный остается православным, даже если его вера примет новые и нечаянные лики. Во всех своих схемах или предчувствиях, в антипатиях или приверженностях Вяч. Иванов всегда свободен и изменчив как языческий бог. Главному — религиозному восприятию действительности — он остался верен до конца.

Можно видеть только «схемы» в метафизике самоопределения Вяч. Иванова, можно сомневаться в его искренности, сам же Вяч. Иванов в тот конкретный момент кризиса сознания болеет о Руси святой и пророчествует. Да, в какой-то момент роковой истории он пророчествует убежденно и взволнованно, но пророчества его не для нас еще. Тем не менее.

Осознание России шло параллельно с изучением римской экономики, античной мифологии, причем последнее было столь принципиально для всего творческого облика Вяч. Иванова, что его имя навсегда будет связано с Дионисом. Потом был возврат в Россию в разгар революции 1905 г., эстетические Ивановские среды в башне дома у Таврического сада. Все это было довольно далеко от мифологем святой Руси, от народного сознания, от славянофильства и даже западничества.

И тем не менее, когда появилась потребность определиться в отношении русской идеи, Вяч. Иванов был неожиданен в выборе основной парадигмы. Неожиданными были и названные учителя и духовные отцы.

Из уст поэта-символиста, воспевающего умирающего бога Диониса, из уст утонченного эстета прозвучало убежденное: Русь истинная — Русь святая. «Только святая Русь — подлинная Русь, Русь же не святая — и не Русь истинная». В таком понимании предначертанности Руси, по словам Вяч. Иванова, сливались, замыкая круг, и «мудрость духовных вершин национального сознания» и «вещие предчувствия народной души»²⁶.

«Святая Русь» — один из рефренов поэзии серебряного века, он привычен как поэтический образ. Тематика, поэтическая символика Древней, былинной, сказочной Руси звучала все драматичней, чем ближе было к предчувствуемой катастрофе. Башенному мечтателю верилось, что его «умозрение, обостряясь до интуиции и возгораясь неизрекаемым опытом сердца, находит себе созвучное подтверждение в заветных верованиях народа»²⁷. Как там было на самом деле — неизвестно: народная душа всегда — terra incognita. Однако мало кто тогда стал бы так

говорить, напротив, расхожим было мнение о пропасти, разделяющей интеллигенцию и народ.

Но Вяч.Иванову очень хотелось верить в то, что «круг замкнулся» несмотря на то, что интеллигенция в вывертах нового религиозного сознания, как никогда свободная в вере, эстетствовала в вере, а народ? Народ разочаровывал.

Круг высокого умозрения и народного чувства замкнулся еще в рублевской Троице, но спустя века он был разорван и навсегда. Возрожденная гармония потрясла какой-то неизъяснимой простотой и мудростью, что усилило «народофильские» переживания интеллигенции, явилось одной из причин возрождения неонародничества начала XX века, материализовавшись в псевдорусском стиле.

Русь святая – былинная, образ поэтический, мифологический, присутствовал в народном сознании извечно, но интеллигентским сознанием был схвачен только на переломе эпох, когда впервые открылись краски древних икон и современники были поражены гармонией и ладом русской души, мудрым взглядом, тихим жестом, дошедшим из прошлого. Трудно сказать, откуда пришел разряд, но только прагматичная Россия Екатерины, сентиментальная — Александра и бесчувственная Николая вдруг обернулась в свое прошлое и там с умилением увидела свою святую душу.

Вяч.Иванов убежден, что он творит на рубеже рождения новой астральной эры. Отсюда его мистический провиденциализм. Он выстраивает российские начала и концы в космическом плане, и мировые судьбы увязывает с решением Судьбы России. «Мистики Востока и Запада согласны в том, что именно в настоящее время славянству, и в частности России, передан некий светоч, вознесет ли его народ или выронит, — вопрос мировых судеб... наша хотящая и немогущая освободиться страна подвизается и изнемогает за всех»²⁸.

Торжественность интонаций соответствовала драматичности момента истории, но град Божий с годами не становился ближе. В 1917 г. Вяч.Иванов писал: «Народ — я говорю о всех и о каждом из нас, — должен найти себя в свете религиозного сознания. Только сосредоточение мысли и воли в тех глубинах духа, где умолкает страсть и впервые слышится голос совести, позволит ему переступить порог новой жизни... Самоопределение народа будет истинным лишь тогда, когда станет целостным. Это значит: когда оно станет религиозным»²⁹.

Катаклизмы предвоенной и предреволюционной эпохи не заставили Вяч.Иванова изменить своей идее Руси святой. Скорее сама идея изменила ему. Вяч.Иванов увидел, что предоставленный России выбор свободного самоопределения, не привел к чаемому идеалу. Возобладал хаос, в котором уже не было места башенному мудрецу.

Верный себе, Вяч.Иванов оставляет России свое последнее пророчество: «Без веры в Бога человечество не обретет утерянной свежести» и, покидая Россию навсегда, открывается ей, оставляя нам интереснейший документ, по сути катехизис зрелого мистика. Да, Вяч.Иванов — просто мистик, мистик *quand teme*, благоговейно пребывающий в Боге, уверенный, что Бог не покинет его, если он не покинет Бога³⁰. Отсюда и внутренняя свобода башенного мудреца, обусловленная верой, и его органичное пребывание над... над временем, над Россией, над культурой.

---

¹ *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо В.Иванова С.А.Венгерова. Собр. соч., Брюссель, 1974. Т. II. С. 22.

² *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо В.Иванова С.А.Венгерова. Собр. соч., Брюссель, 1974. Т. II. С. 18.

³ *Вячеслав Иванов, Михаил Гершензон.* Переписка из двух углов // *Иванов Вяч.* Родное и Вселенское. М., 1994. С. 114.

⁴ *Бердяев Н.А.* Ивановские среды. — Иванова Лидия. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992, С. 321-322.

⁵ *Иванов В.* О русской идее // Родное и Вселенское. М., 1994. С. 361-362.

⁶ *Иванов В.* Живое предание // Там же. С. 351.

⁷ *Иванов Вяч.* Старая или новая вера? // Там же. С. 359.

⁸ *Иванов В.* Живое предание // Там же. С. 350, 352.

⁹ *Иванов В.* О русской идее. С. 364.

¹⁰ Там же. С. 360.

¹¹ Там же. С. 363.

¹² Там же. С. 365.

¹³ Там же. С. 365.

¹⁴ Там же. С. 362.

¹⁵ Там же. С. 370.

¹⁶ Там же. С. 320.

¹⁷ *Прот. Георгий Флоровский.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 458.

¹⁸ *Иванов Вяч.* О русской идее // Там же. С. 362, 372.

-
- ¹⁹ Прот. Г.Флоровский. Пути... С. 468.
- ²⁰ Иванов В. Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского // Вяч. Иванов. Родное и Вселенское. М., 1994. С. 325.
- ²¹ Иванов В. Лев Толстой и культура // Вяч. Иванов. Родное и Вселенское. С. 276.
- ²² Иванов В. Религиозное дело Владимира Соловьева // Там же. С. 337.
- ²³ Прот. Г.Флоровский. Пути... С. 458.
- ²⁴ Вячеслав Иванов, Михаил Гершензон. Переписка из двух углов // Иванов Вяч. Родное и Вселенское. С. 134.
- ²⁵ Иванов Вяч. Старая или новая вера? // Там же. С. 358.
- ²⁶ Иванов Вяч. Живое предание // Там же. С. 348.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Иванов Вяч. О русской идее // Там же. С. 364.
- ²⁹ Иванов Вяч. Революция и народное самоопределение // Там же. С. 391.
- ³⁰ Вячеслав Иванов, Михаил Гершензон. Переписка из двух углов // Там же. С. 119, 113.